

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ «ПОРЯДОК» И СОЦИАЛЬНЫЙ «БЕСПОРЯДОК»: ВЛАСТЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В УСЛОВИЯХ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Данная статья посвящена истории органов местного самоуправления в Екатеринбурге после Февральской революции и тем проблемам, с которыми они сталкивались при поддержании «порядка» и стабильности в условиях социально-политических потрясений, вызванных революционными событиями в Петрограде. Освещаются факты «беспорядка», который царил в городе на фоне прекращения эффективной деятельности полиции, и погромов, вызванных недисциплинированностью солдат, которые номинально должны были обеспечивать спокойствие и стабильность в городе. Автор утверждает, что данные события наряду со многими другими явлениями способствовали нарастанию дезорганизации и противостоянию с органами местного самоуправления и представителями Временного правительства. В конечном счете, из-за множества сложных проблем местные власти потерпели неудачу в своих начинаниях, что привело к растущей народной поддержке более радикальных идеологий и партий, которые могли бы гарантировать новый тип «порядка» на улицах города и в повседневной жизни граждан.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбург, Февральская революция, Временное правительство полиция, милиция, Комитет общественной безопасности, солдаты, «порядок», «беспорядки», символическая революция.

Данное исследование посвящено истории государственных органов и местного самоуправления в Екатеринбурге в условиях Февральской революции и тем проблемам, с которыми им пришлось сталкиваться в сфере поддержания порядка и стабильности в условиях социально-политических потрясений, вызванных революционными событиями в Петрограде. Эта статья является лишь небольшой частью диссертационного проекта, над которым я в настоящее время работаю. Условное название этого проекта: «Вращающиеся двери властей: как революционный Екатеринбург стал Свердловском (1917–1924)». Мой исследовательский интерес сфокусирован на местных институтах власти, на их попытках сохранить «порядок» и бороться с «беспорядками». Таким образом,

я предполагаю изучить способы создания новых форм политического и социального порядка в условиях распада государственных структур.

Городские административные учреждения и органы, такие как городская дума, Комитет общественной безопасности (КОБ), Совет солдатских и рабочих депутатов, военное командование, отчаянно пытались сохранить общественный порядок в условиях нарастающих бедствий – от катастрофического продовольственного кризиса до поднимающейся волны насилия, пьянства и преступности. Зачастую власти использовали такие механизмы, как репрессии и конфискации, опираясь при этом на местную прессу, чтобы создать благоприятную интерпретацию событий. Город пережил власть нескольких режимов и неоднократно радикально менялся на протяжении всего революционного периода, что дает возможность для сравнительного анализа политической практики красных, белых и других правительств, а также для изучения того, как властные полномочия использовались местными акторами в своих целях. Мое исследование может пролить свет на малоизученные проблемы истории Белого движения на региональном уровне, в частности, на уровне крупного российского города. Моя диссертация ставит новые вопросы о характере российской революции и вводит в научный оборот новые дефиниции, такие как «порядок» и «беспорядок», которые много раз затрагивали и обсуждали участники революции. Однако данные понятия еще не получили пристального внимания исследователей в западной историографии.

В данной статье я сфокусировал внимание на небольшом периоде времени – сразу после Февральской революции, в частности, на роли полиции/милиции и солдат гарнизона. Моя задача состояла в том, чтобы показать борьбу за создание и поддержание «порядка» со стороны местных властей на фоне краха ключевых структур государственной власти после падения династии Романовых. Учитывая то обстоятельство, что по истории Екатеринбурга периода революции и Гражданской войны почти ничего не опубликовано на английском языке, работа строится в контексте диалога с советской и российской историографией. Февральская революция в Екатеринбурге в силу разных причин не получила подробного

освещения в работах советских историков. Только одна небольшая монография В. В. Адамова затрагивает данную проблему более-менее основательно. Однако в его работе, как и во многих других трудах советских историков, созданных на основе доктрины марксизма-ленинизма, в первую очередь изучается рабочий класс и роль большевиков в революционных событиях, при этом мало внимания уделяется «буржуазным» учреждениям, например таким, как КОБ [см.: 1]. Историки постсоветского периода Н. Н. Попов и Д. В. Бугров рисуют гораздо более полную картину Февральской революции в Екатеринбурге и тех задач, которые стояли на местном уровне. Тем не менее, их работа, в первую очередь, рассматривает отношения между политическими партиями, в частности, «позитивное» сотрудничество между большевиками и левыми эсерами. Кроме политической истории и партийной борьбы, авторы уделяют также внимание административным структурам и различным институтам власти [см.: 2].

Вместе с тем мое исследование основано на выводах В. П. Булдакова из его работы «Красная смута» относительно взаимосвязи между революцией и насилием. Булдаков бросает вызов традиционным советским и российским положениям о характере революций 1917 года, одновременно преуменьшая важность организованных политических партий (в частности, большевиков), и настаивает на том, что Февральская революция представляла собой спонтанное выражение свободы и демократии. Он делает вывод, что Февраль был революцией насилия, которая опиралась на опыт, вынесенный из Первой мировой войны. Приводит многочисленные примеры хаоса, насилия и уничтожения имущества, происходившие во время падения династии Романовых, и эти погромы, по его мнению, отражают изменение в психологии масс, творивших беспорядок в качестве аналога коммунального состояния жизни [см.: 3]. Кроме того, исследование И. В. Нарского о повседневной жизни и социальной истории на Урале в период революционной «катастрофы» и Гражданской войны также сформировало направление моего проекта, особенно использование таких понятий, как «многовластие» и «безвластие» в отношении управления на местах [см.: 4]. В диссертации я предполагаю исследовать феномен распада поли-

тической власти и борьбы за контроль и формирование общественных органов на фоне роста насилия, но с точки зрения местных чиновников разных режимов, а не народных масс.

Таким образом, опираясь на эти понятия, мой проект освещает показательные примеры «беспорядка», царившие в Екатеринбурге того времени, в том числе и прекращение эффективной деятельности полиции, и проблемы, вызванные недисциплинированностью солдат, которые номинально должны были обеспечивать мир и стабильность в городе. Я полагаю, что данные примеры, наряду со многими другими, способствовали растущему чувству расстройства, противостояния власти и полномочиям местного самоуправления и представителям Временного правительства. Проблема роста преступности и беспорядка в сочетании со слабостью центральных и местных органов власти, по словам князя Георгия Львова, главы МВД, заставляла Временное правительство принимать «самые решительные меры» по осуществлению контроля на местном уровне [см.: 5, л. 61]. В конечном счете, из-за наличия множества сложных проблем, они потерпели неудачу в своих начинаниях, что привело к растущей народной поддержке более радикальных идеологий и партий, которые могли бы гарантировать новый вид «порядка» на улицах города и в повседневной жизни граждан.

Одной из главных причин «беспорядка» и крушения государственной власти в Екатеринбурге после Февральской революции 1917 года была ликвидация бывшей царской полиции. Революционные события в Петрограде и действия революционеров против полиции, стремившихся отомстить за ее роль в противодействии Февральской революции, привели к тому, что уже 10 марта был распущен прежний Департамент полиции при Министерстве внутренних дел. Японский историк Tsuyoshi Hasegawa утверждал: императорская полиция была настолько ненавистна определенным социальным группам, что даже созданная Временным правительством милиция не сумела наладить связь между правительством и обществом [см.: 6, с. 322]. В Екатеринбурге руководство полицией подчинялось губернским властям, а более практические вопросы управления (такие, как финансирование, содержание и сбор налогов) решались городской управой. Тем не менее, после того как револю-

ция прокатилась по всей стране, КОБ, который 5 марта провел свое первое заседание в Екатеринбурге, взял на себя функции управления полицией и решения вопросов безопасности. Как в столице, так и в других местах всей бывшей империи главной задачей КОБов и новых институтов местного самоуправления (например, Совета солдатских и рабочих депутатов и более расширенной по составу городской Думы) стала ликвидация полицейского аппарата, аресты и судебные преследования его высокопоставленных сотрудников. Крупные уголовные дела завели на бывшего полицмейстера Ключникова и ротмистра Ивановского из жандармского отделения и в отношении многих других лиц [см.: 7, л. 72–73].

Тем не менее, когда стремление к «революционной справедливости» было частично удовлетворено (хотя многие из арестованных не были осуждены), проверки местных полицейских учреждений и МВД, чистки способствовали разрушению полиции и массовому увольнению ее сотрудников. Уже 11 марта 1917 года председатель Исполнительного комитета (Исполкома) КОБа А. А. Кощев, учитывая необходимость поддержания порядка на улицах Екатеринбурга, призвал продолжать использовать сотрудников старой полиции, но под контролем новой власти [см.: 7, л. 22]. В течение первых недель после Февральской революции многие полицейские, чувствуя враждебность к ним нового политического порядка, покинули посты или не выполняли своих обязанностей, что привело к росту преступности и заставило городской Совет призвать к немедленному решению этой проблемы [см.: 8, л. 18].

Начальник полиции Ключников, выступая 5 марта в городской Думе, рассказал о многочисленных случаях, когда сотрудники полиции подвергались «насилию и оскорблениям» со стороны масс, включая факты публичного оплевывания и срывания с них погон. В связи с этим, по словам Ключникова, значительное количество полицейских покинули свои посты, и он сам приказал многим оставить службу. Таким образом, город остался «без присмотра», и «хулиганы подняли голову – начались кражи, грабежи». Ключников призвал Думу сохранить полицию для расследования уголовных и административных правонарушений, пообещав сохранить преданность местной администрации, подчиненной Временному

правительству. Его страстная речь не была воспринята городским головой А. Е. Обуховым, который просто заметил: «Вот такова позиция, которую заняла городская полиция». При этом было принято решение: возложить на КОБ задачу полной ликвидации полиции и ареста ее руководителей [см.: 14, л. 175–176].

На том же заседании Обухов сообщил, что дезорганизация, вызванная революцией, привела к тому, что «подонки общества подняли голову и начинают проявлять хищническую, злую волю», которая может быть пресечена путем «активной» и эффективной деятельности КОБа [14, л. 175].

По вопросам трудоустройства бывших полицейских чинов вспыхнули конфликты между КОБом, городской думой и Советом. Причем члены Совета выступали категорически против этого, в то время как представители КОБа утверждали, что невозможно восстановить полицейские учреждения, по крайней мере без некоторого участия бывших сотрудников [см.: 8, л. 36]. На протяжении всего периода своего существования КОБ и его комиссии получили много обращений и писем от граждан с критикой относительно отсутствия безопасности и просьбами к властям принять активные меры по установлению «порядка» и «спокойствия» в Екатеринбурге [см.: 5, л. 140–141].

Всего несколько дней спустя после революции в Петрограде, 14 марта, Кощев, выступая в Екатеринбурге, ссылаясь на «отсутствие доверия» жителей к полицейским чинам, объявил, что «дни полиции закончились». В то же время началась организация милиции, состоявшей из солдат, призванных обеспечить безопасность в городе [см.: 7, л. 30–33]. В последовавшие за Февральской революцией недели и месяцы русские солдаты, как отмечали многие, стали одной из движущих сил на пути к свободе. В своем обращении к общему собранию КОБа, состоявшемуся 7 марта, прапорщик Золотухин напомнил, что именно «солдаты сделали революцию» [7, л. 12–13], при этом он заявил, что за ним стоит «10 тысяч солдат». Для многих представителей администрации города солдаты гарнизона стали идеальным (хотя и временным) решением проблемы отсутствия полицейских.

4 марта 1917 года городская Дума приняла решение использовать солдат местного гарнизона в качестве силы для пресечения «грабежей, насилий, в случае беспорядков» без наделения их полицейскими функциями. Многие военнослужащие гарнизона с энтузиазмом восприняли такое решение [см.: 14, л. 170].

Даже после того, как в середине апреля 1917 года была сформирована «народная милиция», местные власти, в том числе городской комиссар, настойчиво запрашивали дополнительную военную поддержку для обеспечения безопасности в трех полицейских округах города (по 20 военнослужащих в каждом) [см.: 9, л. 68]. Солдаты гарнизона продолжали играть важную роль в этой сфере и взяли на себя многие полицейские функции, не в последнюю очередь из-за трудностей, связанных с созданием милиции.

Однако несмотря на то, что солдат как особую общественно-политическую группу считали «предвестниками революции и демократии», сами они представляли собой серьезную проблему в деле поддержания «порядка» и стабильности. Вынесенный ими из войны опыт и неэффективное управление армией царскими генералами превратили многих солдат как на фронте, так и в гарнизонах по всей бывшей империи в радикалов, и они помогли сформировать новый политический порядок, который одновременно был более «открытым» и жестоким, чем до Февральской революции. Историк Алан К. Вайлдмэн (Wildman) утверждал, что печально известный «Приказ № 1» Петроградского Совета сделал солдат большими радикалами, чем их участие в войне, создавая раскол между ними и офицерами. В дальнейшем их легко использовали большевики и другие политические силы для своих целей [см.: 10]. Тем не менее, работа этого историка сосредоточена на изучении исключительно революционных событий в Петрограде, но ситуация за пределами столицы была более сложной, смешанной и динамичной. В Екатеринбурге, например, офицеры и солдаты действовали вместе, играя заметную роль в недавно созданных органах местного самоуправления, в том числе в КОБе и городском Совете. Военнослужащим гарнизона выделили 82 из 333 мест в КОБе, многие военные занимали важные посты в исполкоме, а также в структурах КОБа, например, в секциях милиции, тюрем и борьбы с пьян-

ством [см.: 5, л. 313–314]. В то время как депутаты от военных пытались решать вопросы по содействию стабильности и безопасности, многие из их товарищей по службе в гарнизоне сеяли хаос в городе, способствовали росту «хулиганства», покушались на частную собственность, а в некоторых случаях прибегали к убийствам.

Хотя следует сказать, что одной из отличительных черт солдат как социальной и политической группы было то обстоятельство, что они являлись самой значительной вооруженной силой в Екатеринбурге. Стоит отметить плохое снабжение и постоянное недофинансирование милиции (и полиции), когда часто не хватало необходимого оборудования для надлежащего обеспечения и соблюдения безопасности. Еще в мае 1916 года в двух из трех полицейских округов Екатеринбурга не было телефонов, и поэтому их сотрудники не могли общаться между собой или предоставить поддержку друг другу в случае возникновения чрезвычайной ситуации [см.: 11, л. 3]. Отсутствие способности у милиции эффективно выполнять свои обязанности приводило к тому, что она не могла противостоять и символически, и практически вооруженной группе солдат. В результате в конце апреля 1917 года на улицах Екатеринбурга вспыхнули беспорядки.

Так, 26 апреля группы солдат, подстрекаемые фронтовиками, на пути из Сибири на фронт устроили трехдневный пьяный дебош, занимаясь разрушением символов старого режима по всему городу, участвуя в «символической революции», о чем в свое время очень убедительно написал Борис Колоницкий [см.: 12]. Солдаты, в частности, разбивали статуи, портреты и гербы династии Романовых, в том числе бюсты Петра I и Екатерины II, стоявшие вблизи плотины в центре города, портреты Александра II и Александра III, и другие известные символы по всему городу [см.: 5, л. 49, 52]. Они не делали различий между государственной и частной собственностью и совершали нападения на здания городской управы, городской казны, магазина Чистякова, Богородско-Глуховской мануфактуры и многие другие. Один из членов Екатеринбургского уездного окружного суда сообщил, что видел солдат, подошедших к воротам и требовавших от служащих суда уничтожить царские символы на фронтоне здания с возгласами «снесите это!» [5, л. 50].

Солдаты, бесчинствующие в течение трех дней и разрушавшие в запале недвижимость в городе, наряду с другими публичными демонстрациями на улицах, оказывали гнетущее впечатление на жителей. Некоторые из них подали подробные записки в КОБ, в которых детализировались картины «массовых беспорядков» и содержались запросы к власти принять меры для поддержания нормальной обстановки [см.: 5, л. 48, 54]. Однако КОБ медленно реагировал на эти события, в то время как Совет сразу же назвал их «погромом» и предупреждал население. Спустя несколько дней городская дума на своем заседании не могла назвать виновников происходящего и отдать распоряжение об аресте главных зачинщиков [см.: 14, л. 286–293].

Одна записка, отправленная городским властям обеспокоенным гражданином, гласила, что КОБ «ничего не делал»: в то время как уничтожались статуи и имущество, его представители обсуждали вопрос о налогах с извозчиков. В записке ставился вопрос: если КОБ «понимает свою миссию», чувствуют ли его члены ответственность за деятельность, направленную на успех революции во времена великих «потрясений» и «опасностей», происходящих в стране? [см.: 13, л. 162–163].

Через несколько недель, в середине мая 1917 года, городские власти вновь столкнулись с буйной вольницей. На этот раз на железнодорожной станции Екатеринбург I солдаты учинили насилие и напали на железнодорожников, что привело к временной приостановке работы станции. Ситуация стала настолько опасной, что исполком КОБа и депутаты от гарнизона были вынуждены выпустить обращение к солдатам с призывом «защитить работников железнодорожного транспорта» и «помнить, что эти бесчинства и насилие глубоко унижают высокое имя солдат». В тексте обращения говорилось, что «даже при хищном старом режиме никто не оскорблял железнодорожников при выполнении ими своих обязанностей». Обращение, напечатанное тиражом в 1 тыс. экз., предполагалось распространить на железнодорожном вокзале и по всему городу, оно заканчивалось призывом к солдатам «отстаивать честь русской революции!» [5, л. 47].

В то время беспорядки, вызванные действиями солдат, способствовали нарастанию опасности и хаоса на улицах Екатеринбурга. Этот фактор усугублялся распадом после Февральской революции прежней, более эффективной полицейской системы. Неспособность местных представителей Временного правительства обеспечить социальное спокойствие, защиту жизни и имущества своих граждан приводило к разочарованию среди граждан по всей стране и негодованию против либерального «порядка». В Екатеринбурге к концу весны – началу лета 1917 года способности КОБа в деле безопасности и контроля становилась все более сомнительными, так как большинство его членов перестали принимать участие в совещаниях, а его деятельность была сведена к административным и финансовым функциям. К сентябрю 1917 года КОБ на добровольной основе был распущен. К тому времени все местные учреждения оказались под сильным влиянием большевиков, их депутаты доминировали в городском Совете и городской думе [см.: 5, л. 271–273].

Таким образом, можно утверждать, что крах системы безопасности и неспособность либеральных структур эффективно обеспечить порядок на местном уровне укрепили власть радикальных партий, которые пытались ввести свои собственные решительные (и идеологические) меры по преобразованию страны. Хотя в статье фокусируется внимание на слабости Временного правительства и его местных представителей, очевидно, что авторитаризм в политике большевиков и их противников – «белогвардейцев» во время Гражданской войны сложился после Февральской революции как ответ на существующие в обществе проблемы, рассмотренные выше. Власть Временного правительства, несомненно, была более демократичной, децентрализованной и «открытой» по сравнению с предшествующими режимами, но приверженность к демократии и, в частности, к свободе слова имела свои границы. Вскоре после Февральской революции исполком КОБа закрыл издания и «читальные залы» Союза русского народа, ввел цензуру на литературу «погромного характера» [8, л. 4]. Новая власть завела несколько уголовных дел в отношении тех, кто выступал против нового правительства, в частности священников Русской православной церк-

ви, которых обвинили в использовании проповеди для критики правительства, что могло «привести к путанице в умах крестьян». Согласно заявлениям КОБа «ответственность» духовенства состояла в том, чтобы «поддержать новое правительство во всех отношениях» и «объяснять события», которые происходили (другими словами, вести государственную пропаганду) [см.: 5, л. 71]. Почти все подобные меры, явно или неявно, проводились под прикрытием «поддержания порядка» и «спокойствия» в Екатеринбурге, а борьба за «порядок» проявлялась в выпуске многочисленных прокламаций и политических действиях.

-
1. *Адамов В. В.* Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967.
  2. *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997.
  3. *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
  4. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
  5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 4.
  6. *Hasegawa Tsuyoshi.* The Formation of the Militia in the February Revolution: An Aspect of the Origins of Dual Power // *Slavic Review*, 32 (2). 1973. June. P. 302–322.
  7. ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 28.
  8. Там же. Д. 30.
  9. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 636.
  10. *Wildman Allan K.* The End of the Imperial Russian Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April 1917). Princeton ; N. J., 1980. P. 402.
  11. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 598.
  12. *Колоницкий Б. И.* Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.
  13. ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 4 (Т. 2).
  14. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620.